

Урбанизация или субурбанизация определяет миграцию населения в Московской области?*

Л. Б. Карачурина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

Для цитирования: Карачурина, Л. Б. (2022). Урбанизация или субурбанизация определяет миграцию населения в Московской области? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 67 (2), 360–381. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.208>

В статье рассматривается миграция населения в Московской области. Московская область относится к немногочисленным регионам в России с интенсивной и разнообразной миграцией населения. Она привлекательна для мигрантов из других регионов России и других стран, специфический поток составляют мигранты из Москвы, наблюдается миграция и внутри Московской области. В статье анализируются мотивы миграции разных групп мигрантов и причины привлекательности региона для них, выявляются различия между группами мигрантов, переезжающих в Московскую область или перемещающихся внутри нее, а также между ними и немобильным населением. Исследование проведено с помощью специально разработанной анкеты на платформе SurveyMonkey. Исследование показало, что «субурбанизационные» мотивы миграции, связанные с экологией, уединенностью, моноокружением, не являются доминантными даже для групп мигрантов, переехавших в коттеджи и таунхаусы. Для всех групп мигрантов главными являются факторы соотношения «цены и удаленности жилья от Москвы», возможности использования преимуществ московского рынка труда, услуг, досуга. В этом смысле можно говорить о массовом сохранении «урбанизационной логики». По ответам на вопросы о важности отдельных характеристик своей локации, а также демографическим параметрам наиболее специфической группой населения из анализируемых групп является немобильное население Московской области (его отличает меньшая нацеленность на рынок труда Москвы, наличие оценок удовлетворенности характеристиками своего местоположения). На рынок труда (учебы) Москвы ориентируется 62% всех членов домохозяйств респондентов, имевших миграционный опыт. Наиболее «нацелены» на столицу мигранты, переехавшие в Московскую область из Москвы.

Ключевые слова: мотивы миграции, причины миграции, мигрант, респондент, жилищная миграция, Московская область, миграционная привлекательность.

1. Введение

Вопросы «Почему вы переехали?» и тем более «Почему Вы переехали сюда?» только на первый взгляд кажутся простыми. На самом деле это очень сложные вопросы, так как они требуют от человека комплексной рефлексии, а от исследовате-

---

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

лей — учета системы образа жизни, мнений и отдельного человека, и семьи и/или ближайшего окружения в целом, специфики этапа жизненного пути человека и его семьи. Кроме того, они поднимают целый пласт вопросов и проблем, лишь опосредованно связанных с выбором человека или не связанных с ним вовсе: например, желание жить в данном месте может столкнуться с наличием или отсутствием в этом месте доступного жилья и в целом с реалиями рынка жилья.

Одновременно вопросы мотивации переезда находятся на стыке сравнения места выезда из старого жилья и выбранного места вселения. Таким образом, категория «места» является одной из важнейших сразу с нескольких позиций и разных иерархических уровней. Место — внутри данного квартала или района, данного городского поселения, региона и страны в целом. В нашем случае место — Московская область — специфический регион, у которого нет своей собственной «столицы», который, с одной стороны, мощный и привлекательный, с другой — почти всегда проигрывает в сравнении с Москвой. В условиях многолетнего сложившегося центростремительного миграционного дрейфа в рамках межрегиональной миграции в сторону Москвы можно говорить также о месте, характеризующемся такими чертами, как: «вблизи Москвы», «на автотрассе к Москве», «с хорошей транспортной доступностью Москвы» и т. п.

Миграционная привлекательность Москвы связана с широтой и разнообразием рынка труда, инфраструктуры отдыха, учреждений здравоохранения, образования, социальной поддержки и пр. Значительный отрыв Москвы от остальных регионов страны по доходам и потреблению, сопровождающийся разрывом в уровне цен на жилье, естественные ограничения объемов ввода жилья предопределили то, что аттрактивность Москвы в значительной мере «вылилась» за ее пределы, распространившись по всем направлениям от Москвы в Московскую область. Нагляднее всего разрастание Москвы за ее административные границы выражается через многоэтажную застройку, ставшую почти обязательным атрибутом всех выездных автотрасс и железнодорожных линий из Москвы на расстоянии едва ли не до 50 км от центра столицы. Разрастание Москвы способствовало тому, что ряд пристоличных городов Московской области (Реутов, Мытищи, Видное, Красногорск) ныне отличаются наиболее высокими относительными показателями нетто-миграции и имеют максимальную — в масштабах страны — плотность населения (Karachurina and Mkrtchyan, 2020). Вместе с тем в Московской области с начала 1990-х гг. разворачиваются процессы субурбанизации, выражающиеся в коттеджной и таунхаусной застройке¹. Кроме того, здесь по-прежнему значителен сегмент земель, занятых садово-дачными товариществами, широкое развитие получила сезонная субурбанизация.

Московская область, таким образом, является в миграционном смысле уникальным регионом: сюда переезжают из Москвы, из других регионов России, имеет место миграционное движение внутри Московской области, сезонная дачная миграция близко соседствует с реальной субурбанизацией. При этом сам территориальный объект имеет большую площадь (сравнимую с площадью, например, всей Эстонии или Дании без Гренландии), отдельные территории характеризуются различной доступностью Москвы, природно-экологическими, инфраструктурными, социально-экономическими и прочими особенностями. Поэтому мотивы

¹ Являются ли они при этом единственным жильем своих владельцев, переехавших из городов, — неясно.

миграции в Московскую область и проживания в ней могут быть очень разными. Уникальность территориального объекта сформировала наши исследовательские вопросы следующим образом: кто и почему переезжает в Подмосковье и насколько значима здесь «субурбанизационная» составляющая; какова «лестница значимости» мотивов миграции и насколько велика в них роль Москвы; прослеживаются ли типичные особенности миграции как избирательного процесса (по семейному положению, возрасту и прочим характеристикам)?

2. Изученность

Мотивы миграции — это всегда очень сложная, с взаимными пересечениями интересов, плоскость принятия решений. Как правило, выделить одну основную причину миграции невозможно, не только в том случае, если переселяется семья, каждый из членов которой имеет на переселение свои резоны (или вообще не хочет переезжать), но даже и в том случае, если переезжает один человек. Социальные эксперименты показывают, что на самом деле важными для принятия или непринятия решения о переезде оказываются такие категории, как «чувство места», «значимые места» (Mazanti, 2007); «качество места» (Baldersheim, 2014); «удовлетворенность жизнью» (Nowok et al., 2018); наличие прямых и второстепенных родственников, необходимость и возможность в их участии в жизни, опыт раздельного проживания с ними (Michielin et al., 2008; Rogerson et al., 1993). При переезде семей добавляются проблемы внутренней солидарности и учета различных, иногда противоречивых, желаний и потребностей членов семьи. При этом причины, по которым люди желают переехать в другое место, меняются на протяжении жизни (Coulter and Scott, 2015), а поскольку мотивация переселений изучается почти всегда методами, связанными с опросами, то оценка мотивов ретроспективных переселений оказывается множественно неопределенной: в момент опроса она расходится с тем, какой была в момент переселения (Auriat, 1991); за одной артикулированной мотивацией находится другая, более общая, но недооцененная респондентами, например мотивы переезда, связанные с работой и доходом, нередко скрывают за собой неудовлетворенность, связанную с недореализацией более высокого человеческого капитала (Korpi and Clark, 2017).

Поскольку число всяких неопределенностей при изучении логики и мотивации переселений людей не поддается учету, то, как правило, исследователи идут по пути сужения и раздельного рассмотрения следующих категорий:

- территориального объекта — изучать переселение не в регион, а в определенный город, коммуну, тип территорий (например, приморские, пригородные);
- социально-демографических групп — рассматривать миграцию только семейных (Mulder, 2007), одиноких, имеющих братьев/сестер (Stöhr, 2015), пожилых и их детей (Artamonova and Syse, 2021) и т. д.;
- мигрантов по определенным признакам — например, анализировать мотивацию переселяющихся на длинные и короткие расстояния (Niedomysl, 2011), переселяющихся в один тип территорий (Aner, 2016) и т. д.;

Один из давно изучаемых в такой постановке — вопрос о миграции в пригородные территории крупнейших городов. Развитие этого сюжета в мировой акаде-

мической дискуссии началось в США еще в 1950–1960-е годы и даже раньше (если считать точкой отсчета работы Чикагской школы социологии). На рубеже 2000-х годов территориальный фокус такого анализа постепенно сместился с западноевропейских стран на страны Восточной Европы и ЮАР. В частности, исследователи Рижской столичной агломерации (в ней проживает более 1/3 населения Латвии) считают, что мотивы, стоящие за выездом в пригороды или из них, отражают сложный портрет процессов пригородной миграции: люди с высоким и низким социальным статусом с большей вероятностью переедут в пригород, чем люди со средним социальным статусом. Ключевой мотивацией является выбор жилья (Krisjane and Berzins, 2012). Аналогичные группы мигрантов, переезжающих в пригороды, выделило исследование Х. Кук (Kok, 1999) по Польше и Венгрии: там поселялись представители высшего и среднего класса, а также люди с более низким статусом, для которых жизнь в большом городе стала слишком сложной. Исследование С. Хайрт (Hirt, 2007) по пригородам Софии выявило, что большая часть нового роста миграции произошла в границах бывших деревень и территорий, занятых дачными домами. В результате эти территории стали зоной своеобразного сочетания двух социальных слоев: «состоятельных новичков и бедных давних жителей». В Эстонии, согласно исследованию Kontuly and Tammaru (2006), дифференциация между категориями населения, ответственными за субурбанизацию, была меньшей, чем различия между группами, составлявшими ядро урбанизации в рамках межрегиональной миграции. Люди с высшим образованием в возрасте 30–50 лет чаще переезжали в пригороды. В ЮАР, где процессы пригородной миграции усилились после падения режима апартеида, они привели к укреплению многоцентровой городской структуры в четырех крупнейших мегаполисах, а также способствовали дальнейшему социальному расслоению. Главными силами миграции стали «высококвалифицированные, работающие и белые южноафриканские субпопуляции», перемещающиеся либо вслед за переезжающей на периферию городов промышленностью, либо по экологическим и социальным причинам, которые можно обозначить как субурбанизационные (Geyer and Geyer, 2015).

Российские исследования также выявляли поляризацию процессов, протекающих в пригородах Москвы (Махрова, 2014а; Шитова и Шитов, 2013; Кириллов и Махрова, 2009), и косвенно выделили группы населения, «отвечающие» за миграционный прирост в районах, примыкающих к столице. В работе А. Г. Махровой и коллег (Махрова и др., 2016) показано, что благодаря сохраняющемуся отрыву Москвы от других регионов страны по уровню доходов, потреблению и другим показателям миграционный поток фактически работал только в одном направлении — въездном. При этом по многим параметрам Московская область в последние годы приблизилась к Москве, отдаляясь от окружающих территорий. Одновременно лучшая ценовая доступность аренды и покупки жилья дают притоку населения в ближнее Подмоскovie дополнительные «бонусы» (Куричев и Куричева, 2018). В соответствии с формулой «работать в Москве, жить поближе к ней» можно было бы предположить, что в ближайший к Москве пояс городов и районов должны устремляться люди самых активных трудоспособных возрастов. Согласно другой общераспространенной в мире логике распределения демографических и миграционных событий на жизненном пути, воспитывать детей лучше в отрыве от крупных городов, «на природе» (Plane and Jurjevich, 2009; Rerat, 2012), поэтому

поколения 30-летних, находящиеся на пике создания семей и репродуктивной активности, выбирают экологичные пригороды. В этом случае можно было бы предположить, что наиболее интенсивно прирост таких групп населения будет аккумулироваться не в самых ближних к Москве районах Подмосковья, а в районах, находящихся на некотором удалении от столицы. Однако в работе Н. В. Мкртчяна (Мкртчян, 2015) показано, что четко выраженных возрастных особенностей миграции в территории дальнего и ближнего Подмосковья не выявляется, а высокая интенсивность миграционного прироста наблюдается на расстоянии до 50 км от столицы (Karachurina and Mkrтчyan, 2020). Но высокий прирост складывается в первую очередь за счет массовых переездов в многоквартирное жилье. Переезды в индивидуальное жилье статистически нельзя отделить от переездов в многоквартирные дома. Анализируя их, можно опираться на косвенную «оптику»: например, происходившие после 2008 г. сдвиги в сегментах продаж коттеджей для «элиты» в сторону поселков, ориентированных на более широкие слои среднего класса, что стимулировало развитие субурбанизации (Махрова, 2014b). Что касается маятниковой миграции, то, как указывают И. Браде с коллегами (2013), «маятниковый мигрант — это чаще всего не москвич, уехавший жить за город, а коренной или новый житель Московской области, что лишний раз доказывает, что урбанизация в России не завершена». Данные ВПН-2010 согласуются с этими выводами частично: 54.2% населения Московской области являются уроженцами самой области, еще 5.3% — уроженцами Москвы, 24.8% — переселились из других регионов России, 10.2% — из других стран, 5.5% — не указали. Из этих данных нельзя делать выводы о маятниковых мигрантах и структуре потока маятниковых мигрантов в столицу, но из этого следует, что, хотя доля неместных (Московской области) уроженцев высока, даже здесь, в регионе, который отличается высокой аттрактивностью для жителей других регионов, она не доминантна. Данные по семейной структуре населения, сменившего место жительства в течение года до переписи 2010 г. показывают, что в Московской области среди них значительно выше доля семей, состоящих из «супружеской пары с детьми до 18 лет», а среди мигрантов, переехавших из Москвы, наиболее велика доля 25–39-летних и значима доля детей 0–5 лет, маркирующих переезд их родителей (Мкртчян, 2015). При этом интенсивность внутриобластной миграции в возрастах 25–39 лет ниже, чем в потоке из Москвы. Приведенные выше наблюдения, неполные данные статистики населения и другие косвенные показатели не дают ответов на вопросы о том, кто и почему выбирает определенные типы жилья и населенные пункты в Московской области, насколько это социально поляризованный процесс, подобный тому, что наблюдается в пригородах столиц других стран Восточной Европы. Проведенное исследование ставило перед собой именно такие задачи и дает некоторые первые ответы на эти вопросы.

3. Дизайн исследования

Исследование разведывательного дизайна проводилось с помощью специально разработанной нами Анкеты весной 2019 г. через SurveyMonkey². Целевая аудитория — проживающие в Московской области. Мы сознательно не накладыва-

² Автор благодарит Н. Мкртчяна, Е. Андрееву и И. Климкина за помощь в проведении исследования.

ли дополнительных ограничений на респондентов, например связанных с фактом переезда в Московскую область или с проживанием в собственном, а не арендованном жилье, так как круг рассматриваемых вопросов предполагал сравнительную перспективу. В частности, тех, кто переехал в Московскую область, предполагалось сравнить с немобильным населением региона; переехавших из регионов за пределами Московского столичного региона — с мигрантами из Москвы и т. д. Рекрутинг респондентов осуществлялся с помощью объявлений в группах «ВКонтакте», жилых комплексах, коттеджных поселках, среди жителей отдельных населенных пунктов, а также методом «снежного кома». Анкета состояла из 30 вопросов, сочетание и взаимное наложение которых должно было позволить некоторым образом воссоздать биографии респондентов и их семей с позиций миграционной и жилой мобильности. Дизайн Анкеты основывался на логике классической работы Э. С. Ли (Lee, 1966) о системе притягивающих и выталкивающих факторов в миграции, таблицах Росстата о причинах миграции, а также вопросах и проблемах, фигурировавших в качестве тем для обсуждения на ветках типа «Как живут люди в субурбиях?» зарубежных форумов³. В Анкете присутствовали блоки, воссоздающие миграционные биографии респондента (и отчасти его семьи), характеристики прошлого и текущего места жительства, причины миграции, важность объектов инфраструктуры и транспорта, отношения с соседями, социально-демографические характеристики. Особенностью Анкеты было то, что она заполнялась одним респондентом, но на всех совместно проживающих с ним. В этом смысле число опрошенных не было равно числу людей, на которых заполнялась Анкета и которые своим поведением, жизненными планами и миграционными установками могли влиять на респондента.

К заполнению Анкеты приступили 906 человек, заполнили до конца — 587 респондентов (домохозяйств) на 1733 человек. В опросе участвовали представители 45 из 60 муниципальных образований Московской области (по муниципально-территориальному делению 2019 г.), 69 % опрошенных жили на расстоянии до 50 км от центра Москвы (что примерно на 15 п. выше соответствующей доли населения Московской области, проживающей в данной зоне). В Московской области родились 35.1 % опрошенных, 15.3 % проживали с рождения в «данном жилье», т. е. не меняли места проживания. Основной тип жилья — многоквартирный дом (86.7%), этажность жилья, в котором проживают опрошенные, падает по мере удаленности от Москвы, но даже на расстоянии свыше 100 км от столицы только 43 % опрошенных живут в малоэтажном жилье. Основные группы — семейные пары и семьи с несовершеннолетними детьми, средний возраст как переезжавших, так и немобильных примерно одинаков и составляет 33–34 года. Некоторые характеристики респондентов представлены в табл. 1.

Существенное ограничение выборки — широта территориальной привязки. Как было показано выше, Московская область по площади сравнима с некоторыми государствами и отличается разнообразием. Соответственно, не задавая в выборке критерий привязки к конкретной точке, мы не могли проверить, какие соображения сколько-нибудь массово привлекали людей именно в данную точку, но группируя респондентов по признакам точки (расстоянию до Москвы, типу, размеру

³ <https://www.quora.com/Why-do-people-choose-to-live-in-the-suburbs>.

Таблица 1. Характеристики респондентов

Проживают в Московской области, %			
с рождения		37.8	
не с рождения		62.2	
В том числе:			
до 1 года		3.2	
с 1 до 5 лет		23.7	
с 5 до 10 лет		12.8	
свыше 10 лет		20.6	
нет ответа		1.9	
Итого:		100.0	
Проживают в данном жилье с рождения		15.0	
Проживают в жилье типа			
многоквартирный дом		86.7	
коттедж, частный дом		11.9	
таунхаус		1.2	
нет ответа		0.2	
Итого:		100.0	
Проживают в домах следующей этажности в зависимости от расстояния до Москвы			
км	0–3 этажа, %	4–9 этажей, %	Свыше 10 этажей, %
до 25	5.6	34.4	60.0
25–50	11.8	41.4	46.8
50–99	33.3	45.6	21.1
свыше 100	43.2	45.9	10.8
Тип семей респондентов (совместно проживающие в домохозяйстве), %			
одинокий		9.9	
семейная пара		17.4	
семейная пара хотя бы с одним несовершеннолетним ребенком		36.7	
семейная пара хотя бы с одним совершеннолетним ребенком		6.8	
трехпоколенная семья		6.0	
одинокий родитель хотя бы с одним несовершеннолетним ребенком		2.5	
одинокий родитель хотя бы с одним совершеннолетним ребенком		6.4	
другое		14.3	
Итого:		100.0	

жилья и т.п.) могли составить совокупное представление по рассматриваемым вопросам. Другое важное обстоятельство — перед респондентами стояла задача вспомнить о своих решениях некоторой давности и, соответственно, давать ответы исходя не из тех мотивов, которые были в момент принятия решения, а исходя из нынешнего опыта и текущего восприятия ситуации. Несмотря на это ограничение, при узости палитры возможных методов в миграционных социологических исследованиях по-прежнему задаются разные типы вопросов, в том числе оценочно-ретроспективные.

4. Результаты

4.1. Мотивы мигрантов, переселяющихся в Московскую область

Московская область издавна привлекательна для мигрантов. Ее привлекательность — в пристольничном положении и связанных с ним возможностях: фактически едином рынке труда и выгодах столичной ренты (Мкртчян, 2015). Эти черты влияют так сильно, что другие — положительные и даже отрицательные — могут оказываться в тени. Например, если муниципальные власти в европейских странах предпринимают меры по привлечению отдельных категорий мигрантов (Jauhainen, 2009; Murakami et al., 2009) или задумываются о качестве жизни в своих муниципалитетах в рамках «борьбы за людей» в межмуниципальной конкуренции (Hamm et al., 2017), то у властей муниципальных образований Московской области, по сути, таких задач нет. Высокая аттрактивность региона, вероятно, влияет и на соотношение разных групп мотивов миграции: связанных с причинами семейно-личного характера, занятостью, качеством среды и инфраструктуры, природно-экологической привлекательностью конкретного места.

Все причины переселений в данный населенный пункт Московской области («Почему Вы решили переехать из прежнего места жительства?») были разделены в Анкете на причины семейного, жилищного характера, связанные с неблагоприятным прежним местом жительства, с привлекательностью нынешнего места жительства.

В причинах переезда, регистрируемых статистикой Росстата, традиционно весомое значение в переездах в любой регион страны занимают *личные/семейные причины*: в 2019 г. на них указало 38.5% и 37.7% внутри- и межрегиональных мигрантов в Московской области старше 14 лет соответственно (от всех). Данные настоящего обследования показывают, что из всех переезжавших в регион и перемещавшихся внутри него, у 47.5% не было семейных причин. Отсутствие таковых более всего характерно для межрегиональных и международных мигрантов (59.3%), которые чаще переезжают сюда по иным соображениям, и они связаны в первую очередь с общей привлекательностью региона, его центральностью на большом российском пространстве (рис. 1).

В статистике Росстата семейные причины — в определенной мере «черный ящик». Данное обследование показывает, что из семейных причин существенной для всех остается заключение брака (20.8%), но для вчерашних москвичей эта причина (20.4%) вполне соразмерна с разъездом с родителями (17.7%). Для москвичей и переезжавших внутри Московской области важным является также переезд в область (или внутри нее) в связи с увеличением семьи. При этом «развод» как

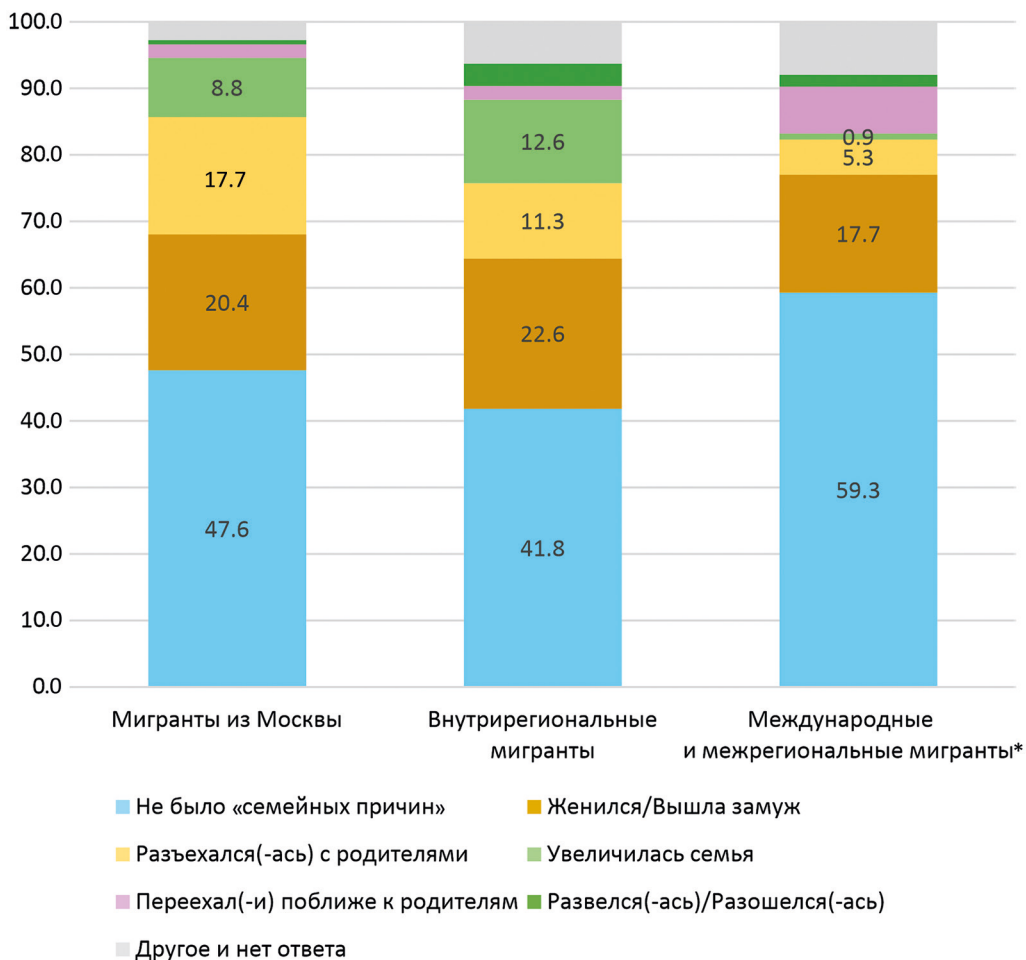

Рис. 1. Семейные причины в мотивах переездов респондентов в Московскую область, %

* Под межрегиональными мигрантами здесь и далее понимаются мигранты из других регионов России, за исключением мигрантов из Москвы, выделяемых в отдельную группу

причина миграции в таблице о рангах семейных причин находится ниже «переезда поближе к родителям». В целом нужно признать, что для переезжавших в Московскую область, во-первых, значимость семейных (личных) причин российской статистикой переоценена, во-вторых, и внутри так называемых семейных причин находятся не вполне «семейные», а скорее «семейно-жилищные» причины (и их доля существенна, например, разъезд с родителями — 11.8%), в-третьих, в отличие от европейских стран доля причин, связанных с «ответом» на продолжающуюся семейную историю (развод, рождение ребенка), остается не очень высокой. Ключевой среди семейных причин для всех групп мигрантов является заключение брака.

В целом чем ближе к столице, тем выше доля ответов о том, что в переезде «отсутствуют семейные причины». На расстоянии до 25 км от столицы таких ответов 54%, в более удаленных территориях их 44–46%.

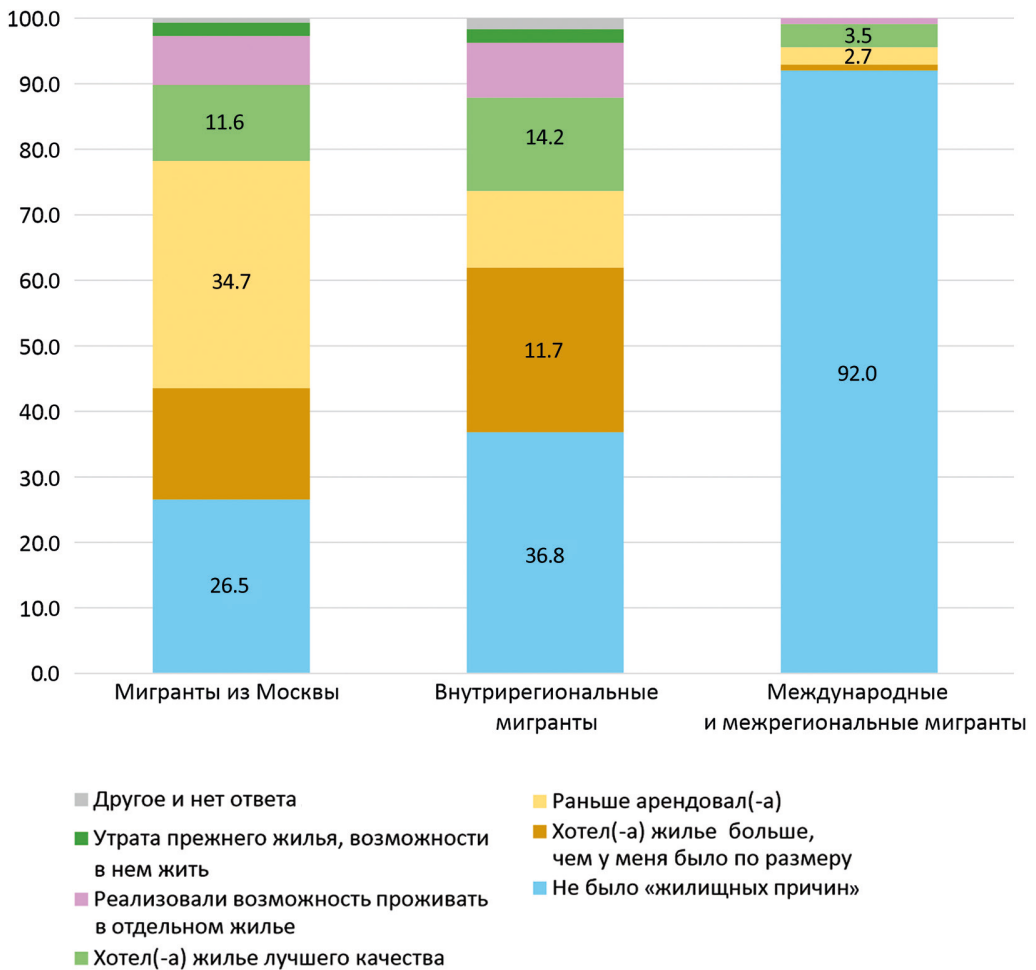

Рис. 2. Жилищные причины в мотивах переездов респондентов в Московскую область, %

«Жилищные причины» показывают примерно такую же значимость, как семейные (рис. 2): они важны для 53.7% переселявшихся. Здесь обращает на себя внимание, что для межрегиональных и международных мигрантов жилищные причины не играют важной роли. Выбор этими мигрантами конкретных точек и области в целом не связан с желанием улучшить качество жилья или увеличить его размеры. Эти факторы, возможно, и имеют некоторое значение, но рассматриваются как гораздо менее важные по отношению к другим, связанным с положением.

Для москвичей важным фактором переезда в область является смена статуса жилья: у каждого третьего переехавшего вместо арендованного жилья появляется «свое», еще 17% москвичей могут себе позволить жить в области в большем по размеру жилье, чем то, в котором они жили в Москве. Таким образом, не менее половины переехавших в Московскую область из Москвы оказались в ней, по сути, из-за ценовой привлекательности жилья в Подмосковье по сравнению с Москвой. Переезд для улучшения качества жилья — важный, но отнюдь не решающий аспект

для бывших жителей столицы и даже для переезжающих внутри Московской области. В каком-то смысле это говорит о логике перемещения в область: это не бегство в субурбию за тем, чтобы наслаждаться уединением и специфическим образом жизни, а переезд из более дорогого места в более дешевое, обмен «статуса» на «метры». Это проявляется тем сильнее, чем ближе расселились бывшие москвичи к Москве: в радиусе до 50 км от Москвы на три причины (покупка собственного жилья взамен арендованного, возможность проживать в отдельном жилье, переезд в жилье большего размера) приходится 63 % всех жилищных причин москвичей, на расстоянии свыше 50 км доля таковых снижается до 45.5 %. Эти «индивидуальные» данные коррелируют с фиксирующимся другими методами центрo-периферийным градиентом распределения параметров жилищного строительства в Московской агломерации (Куричев и Куричева 2020).

Концепция Э. С. Ли (Lee, 1966) постулирует, что миграция совершается вследствие разницы потенциалов точек выхода и вселения и соотношения факторов *выталкивающей* и *притягивающей* силы. Ответы наших респондентов дают недвусмысленный ответ на вопрос о том, что важнее — действие негативных факторов в точке выезда или привлекательных факторов в точке вселения. Применительно к Московской области, безусловно, важнее ее привлекательность: 75.8 % респондентов ответили, что в их миграции не было причин, связанных с неблагоприятием прежнего места жительства, и 61.5 % — в поселении в данном жилье отсутствовали причины, связанные с привлекательностью нынешнего района проживания. Анализируя такие высокие показатели «незначимости и неважности», как и при любых опросах, следует понимать, что в целом люди склонны недооценивать и преуменьшать все, что так или иначе связано с денежными вопросами. В этой связи особенно интересно, что все переселившиеся относительно недавно (в последние 3 года перед обследованием) придают больший вес причинам, связанным с привлекательностью нового места жительства, чем те, кто переехал относительно давно.

В целом в причинах неблагоприятия важное место занимает диспозиция населенного пункта и степень остроты транспортных проблем, связанных с ней. Такие недостатки особенно выделяют респонденты, переселившиеся внутри Московской области. У москвичей и в неблагоприятных, и в привлекательных причинах (с разных сторон) проглядывает «субурбанизационная» составляющая (плохая экология, «не хотели жить в городе», «экология, удаленность от мегалополиса»), но для других мигрантов, в том числе переселяющихся внутри Московской области, такие причины мало актуальны.

Остановимся более подробно на значимости отдельных характеристик нынешних мест проживания в Московской области глазами разных групп мигрантов и не переезжавших жителей области. В Анкете эта группа вопросов была сформулирована следующим образом: «Насколько для Вас важны следующие характеристики Вашего населенного пункта: ...» и далее последовательно перечислены 16 характеристик. Их требовалось оценить по интервальной шкале от «очень важно» до «совершенно не важно». Мнения разных групп респондентов по предложенным параметрам представлены в табл. 2.

Таким образом, плохо артикулируемый прямыми ответами фактор, связанный с возможностями работать на разнообразном и масштабном рынке труда Москвы, на самом деле является, вероятно, самым важным в системе мотивации

Таблица 2. Доля оценок «очень важно» и «важно», выставленных респондентами отдельным характеристикам своей нынешней локации в Московской области, %

Характеристика локации	Мигранты из Москвы	Внутри-региональные мигранты	Международные и межрегиональные мигранты	Респонденты из Московской области, не менявшие место проживания (неомобильное население)
Возможность «жить за городом»	35.4	32.2	17.7	50.0
Возможность «иметь свой клочок земли»	40.1	37.2	24.8	53.4
Доступность по цене покупки/аренды жилья	78.2	75.3	73.5	63.3
Близость или удобство достижения рабочего места	61.2	68.6	73.5	81.8
Наличие работы в данном месте	28.6	42.7	46.9	79.5
Возможность жить в качественном жилье	86.4	79.5	64.6	88.6
Среда: здесь живут люди моего окружения	27.2	33.5	19.5	38.6
Наличие личного пространства, уединения	72.8	65.7	54.9	80.7
Доступность хорошей школы, гимназии, лицея, детского сада	43.5	54.4	46.0	75.0
Удобство транспортной инфраструктуры	81.0	82.0	78.8	85.2
Развитость инфраструктуры для детей	49.0	58.6	47.8	70.5
Развитость инфраструктуры для пожилых	23.8	26.8	23.0	64.8
Близость к взрослым детям	12.9	25.5	13.3	39.8
Близость к пожилым родителям	33.3	47.7	25.7	73.9
Близость к друзьям	17.0	23.0	16.8	52.3
Близость к Москве	78.2	53.6	68.1	45.5

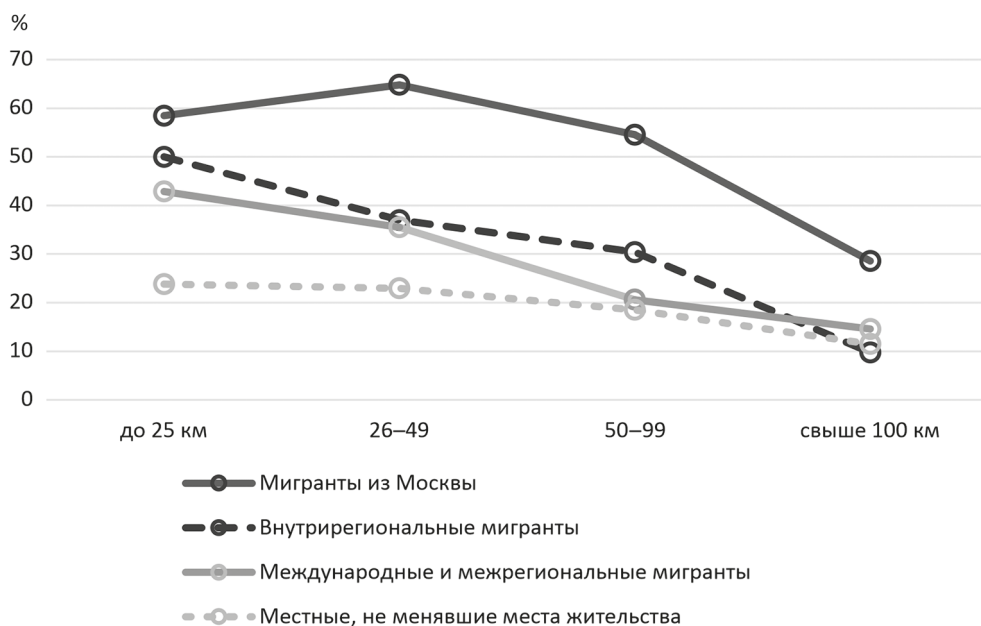

Рис. 3. Доля респондентов и членов их семей, проживающих в Московской области и работающих в Москве, в зависимости от расстояния до Москвы

выбора места проживания в Московской области. Он латентен, но находится за всеми другими и связан со всеми⁴. В 62 % семей респондентов есть хотя бы один человек, работающий или обучающийся в Москве. Доля таких семей максимальна среди мигрантов из Москвы (82.3 %), но она значима во всех группах, включая не переезжавших местных (45.5 %). Значение транспортной составляющей и близости к Москве (рис. 3) так велико именно из-за значительной доли населения, работающего в Москве с определенным ритмом (в основном 4-5 дней в неделю в Москве — так работают 62 % членов домохозяйств, работающих в столице). Другим важным фактором для всех без исключения групп является фактор ценовой доступности жилья для покупки или аренды.

Качество городской среды, социальной и досуговой инфраструктуры важны, но по-прежнему не преферентны. При этом на важность наличия личного пространства, экологические мотивы указывают в первую очередь не переселившиеся за пределы Москвы москвичи, что могло бы указывать на их «субурбанизационные намерения», а коренные жители области. Для москвичей, наоборот, самым важным является близость к Москве, что прямо указывает на определенную вынужденность переселения за ее границу. Закономерно, что экологические причины, уединенность более важны для жителей коттеджных поселков и таунхаусов. Социальная однородность, ставшая одним из драйверов субурбанизации в США и в меньшей степени, но отмечаемая и для европейских стран, в реалиях московской субурбанизации не работает. Причина этому — отсутствие значимой пространственной сегрегации

⁴ На это же прямо указывают работы, изучающие мотивацию переселений, основанные на данных личных интервью с мигрантами (Мкртчян, Флоринская, 2020).

в регионах России, ее маловажность на фоне остальных проблем или что-то иное — предстоит выяснить в дальнейших исследованиях. Пока можно утверждать, что в целом вся эта группа факторов, условно маркирующих «субурбанизационное поведение» населения рассматривается как явно второстепенная. Несмотря на наши первоначальные представления о существенных различиях в логике миграционного поведения разных групп населения, с точки зрения мотивов данные обследования показывают, что, хотя субурбанизационные идеи и связанное с ними миграционное поведение уже получило развитие, наиболее массовым и выявляемым процессом остается если не прямая восходящая урбанизация, то разрастание многоэтажной селитьбы Москвы в области. Именно этим объясняется не только второстепенность ряда характеристик, маркирующих субурбанизацию, но и не всегда большие отличия между собой мигрантов разных групп. Однако эти отличия почти всегда очень существенны по отношению к местному (оседлому) населению Московской области.

4.2. Группы мигрантов, переезжающих в Московскую область: ключевые различия

Приведенные выше результаты исследований в пригородах столичных городов восточноевропейских стран показывают существенные различия в составе «агентов модернизации» пригородов и их «старых» жителей. Однако в большинстве исследований все новые жители пригородов анализируются как некая единая группа, реализующая идеи и мотивацию субурбанизации. Им противопоставляются «старые» жители пригородов. В данном исследовании появляется возможность выделить и сравнить не просто «новых» и «старых» жителей пригородов, но разные группы мигрантов, как с точки зрения места их предыдущего жительства, так и с точки зрения типов их жилья (расселения). В частности, переезд в коттеджи и таунхаусы в целом оказался не очень распространенным, но если он есть, то в большей степени его выбирают бывшие москвичи (16%). В этом смысле, вероятно, можно говорить о субурбанизационной логике таких переездов. Для мигрантов из других регионов страны и других стран такой вариант почти совсем не распространен. Согласно результатам опроса ВЦИОМ, 68% россиян хотели бы жить в частном доме (в том числе коттеджном поселке, таунхаусе)⁵ на этом фоне низкая доля наших респондентов — межрегиональных мигрантов, переехавших в частное жилье, связана с высокой ценой на такое жилье в Московской области. Это обстоятельство хорошо коррелирует с тем, что среди данной группы мигрантов особенно значительна доля тех, кто живет в Московской области в жилье небольшой площади (четверть проживает в жилье площадью меньше 40 м²), часто — арендном. Жители Московской области переезжают в коттеджи и таунхаусы реже, чем москвичи.

Переехавших в коттеджи и таунхаусы отличает не столько высокий средний возраст, сколько высокая доля пожилых: в составе домохозяйств, переехавших в коттеджи, 20% — люди старше 50 лет, тогда как среди всех иных категорий семей мигрантов их в два раза меньше. Соответственно, среди новых жителей коттеджей существенно ниже доля 20–39-летних: их 33%, тогда как среди переехавших

⁵ Идеальное жилье глазами россиян. ВЦИОМ по заказу Дом.РФ. Сентябрь 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnoe-zhile-glazami-rossijan> (дата обращения: 16.12.2021).

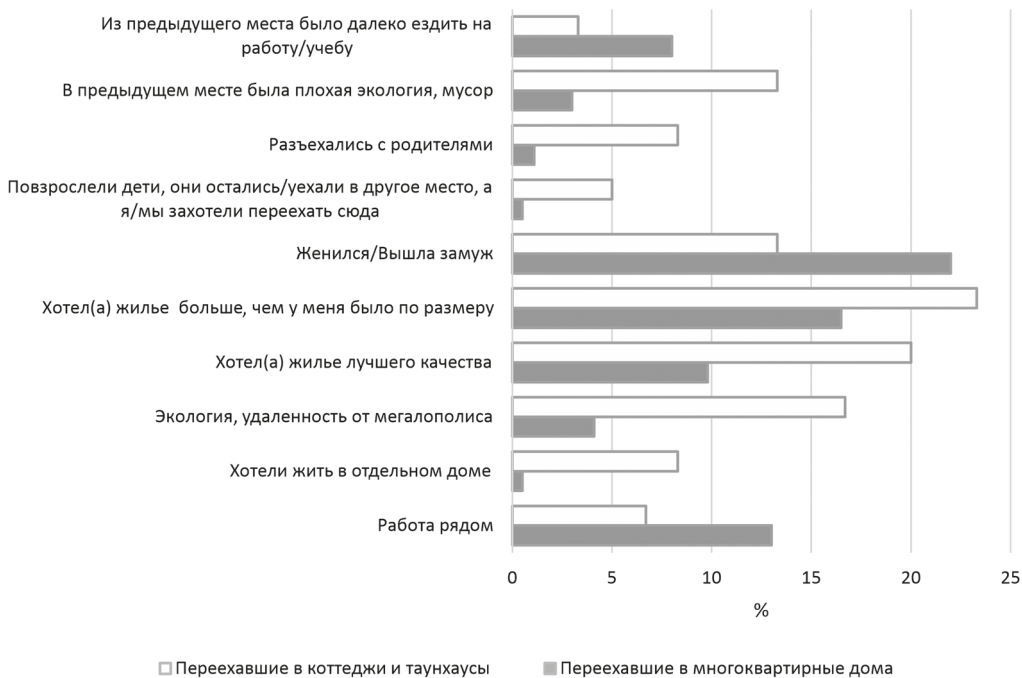

Рис. 4. Мотивы миграции у респондентов, переехавших жить в коттеджи и таунхаусы и многоквартирные дома Московской области*

* Респонденты отмечали по одной — наиболее важной для них — причине в каждом из четырех блоков («семейные», «жилищные», «благополучие предыдущего района проживания», «привлекательность нынешнего района проживания»), на рисунке показаны наиболее важные события из всех блоков.

в многоквартирные дома — 46.5 %. Различие в возрастах сказывается на логике переезда: для одних удаленность, уединенность, экологичность важна, для других — почти не замечается; для одних на данном жизненном этапе важно жить в большом отдельном доме, для других — иметь рядом работу (рис. 4). Соответственно, отличаются социально-демографические триггеры этой миграции (формирование семьи, разъезд с взрослыми детьми/родителями), значимость для них разных социальных и инфраструктурных объектов поблизости от нового места жительства, наличие другого жилья, автомобилей (рис. 5). Последнее трудно однозначно интерпретировать как лучшую материальную обеспеченность переехавших в коттеджи и таунхаусы по сравнению с переехавшими в многоэтажные кварталы, так как наличие двух машин может быть связано не только с этим, но и с отсутствием или слабым доступом к общественному транспорту⁶.

Сравнение различных групп жителей Подмоскovie с точки зрения их «происхождения» выявляет в первую очередь существенные отличия всех групп мигрантов от немобильного населения — жителей Московской области, которые ни разу нигде не переезжали. Среди последних существенно чаще представлены совместно проживающие трехпоколенные семьи, одинокие родители и совершеннолетние

⁶ Другие вопросы о материальной обеспеченности, кроме приводимых здесь о наличии жилья и автомобилей, в силу их чувствительности не задавались.

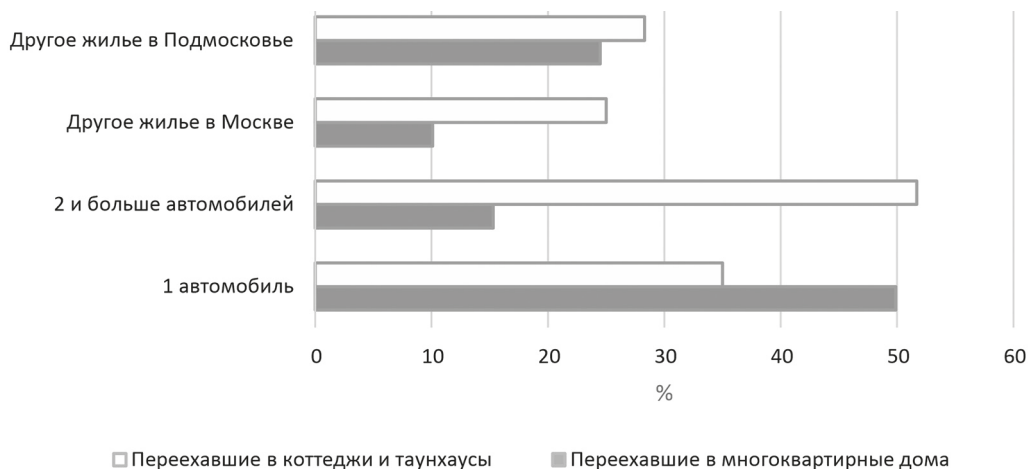

Рис. 5. Наличие в семьях респондентов, переехавших жить в коттеджи и таунхаусы и многоквартирные дома Московской области, автомобилей и другого жилья

дети, почти нет одиноких, в два раза ниже, чем у мигрантов (любых групп), доля семей, состоящих из родителей и несовершеннолетних детей. Одно из самых существенных отличий немобильного населения от мигрантов — в образовательной структуре населения: в домохозяйствах немобильного населения значительно ниже доля имеющих высшее образование, выше доля людей со средним общим и средним профессиональным образованием (средний возраст населения домохозяйств немобильных респондентов 35 лет, мобильных — 31.3 года, у мигрантов выше доля детей, у немигрантов — людей старше 60 лет). Вероятно, с этим коррелирует то, что немигранты существенно чаще, чем мигранты, работают в своем населенном пункте (44.8 % против 31 % соответственно). Им свойственна артикуляция таких ценностей, как возможность жить за городом, близость к работе, взрослым детям, родителям, друзьям, наличие рядом инфраструктуры для детей и пожилых. В качестве главного недостатка своего проживания в данном месте указывают отсутствие дополнительных выплат, которые есть у москвичей.

Кто переезжает из Москвы в область? Семейные пары без детей (27.2 %), пары с несовершеннолетними детьми (40.1 %) и одиночки (15 %); треть ранее проживала в арендуемом жилье, еще у почти стольких же причина переезда — разъезд с родителями или ответ на расширение семьи. У 82 % респондентов хотя бы 1 член домохозяйства работает или учится в Москве. Среди трех наиболее важных черт нынешнего места жительства указываются: возможность жить в качественном жилье (отмечают 86.4 %), удобство транспортной инфраструктуры (81 %), близость к Москве (78.2 %), доступность по цене покупки/аренды жилья (78.2 %). Такие характеристики, с одной стороны, соответствуют западным моделям миграционного движения, возникающим как ответные на ключевые демографические события, особенно актуальные для 20–40-летних. С другой стороны, в европейских странах молодые родители с детьми-дошкольниками стремятся переехать в пригороды для того, чтобы растить детей в экологически более благоприятных условиях, с соответствующей инфраструктурой детства, близким социальным окружением и срав-

нительно безопасной, в отличие от центрального города, средой. Для наших респондентов из Москвы такие характеристики нового жилья, как «здесь живут люди моего круга», «развитость инфраструктуры для детей» оказались самыми незначимыми из 16 предложенных. Главный триггер этих переездов — ценовой фактор покупки жилья. Исходя из комбинаций полученных ответов можно говорить про то, что не менее 2/3 семей респондентов, переехавших в область из Москвы, не уехали бы из нее, если бы могли позволить себе жилье в столице.

Мигрантов, переселявшихся внутри Московской области, от «москвичей» отличает не так много характеристик, как можно было бы представить. Среди важных причин переезда следующие: желание жить в жилье большего размера (25%), которое находилось бы ближе к Москве (12%), при этом привычка жить не в столице проявляется в том, что особенно важный фактор — удобство транспортной инфраструктуры (82%), а «близость к Москве» в качестве трех самых значимых факторов отмечают только 53.6% респондентов. В целом и семейная, и образовательная структура мигрантов-москвичей и мигрантов, переселявшихся внутри Московской области, также различается мало. Эта портретная «близость» характеристик также свидетельствует о схожести глубинных причин этой миграции: переезды в наиболее близкие и удобные к Москве места, сколько-нибудь распространенной субурбанизационной логики в них не просматривается.

Из всех групп мигрантов сильнее всего отличается группа переселявшихся из других регионов России и международные мигранты. Для этой группы не имеют значения никакие демографические факторы переселения, связанные с формированием и развитием семей, переезды детерминируются доступностью рынка труда Московской агломерации, причем в данном случае это не обязательно рынок труда Москвы, в столице работает или учится 57.5% членов домохозяйств респондентов этой группы, остальные — в населенных пунктах Московской области. Таким образом, среди межрегиональных и международных мигрантов доля работающих в Москве ниже, чем среди переехавших москвичей и немигрирующих жителей Московской области. Интервью с межрегиональными и международными мигрантами-врачами, проведенные в рамках другого исследования, показывают, что это связано с особенностями входа на столичный рынок труда и некоторыми опасениями «дальних», еще неадаптированных мигрантов, а также с тем, что на первых порах достаточной для переезда оказывается разница зарплат между регионами и Московской областью.

5. Заключение

Исследование, проведенное методом «снежного кома», не может дать ответ на вопрос о распространенности «урбанизационной» или «субурбанизационной» логики миграции в Подмосковье. Однако поскольку мотивы миграции, связанные с экологией, уединенностью, моноокружением (желанием жить с людьми из близкого социального круга), ценностями проживания на «земле» находятся в явном арьергарде, а главными являются факторы соотношения «цены и удаленности жилья от Москвы», то в миграции в Московской области ведущим остается в широком понимании «урбанизационный» тренд. Близость к Москве и преимущества Москвы и ее рынка труда, услуг, досуга являются ключевыми факторами миграции

разных миграционных групп населения. На рынок труда (учебы) Москвы ориентируется 62 % всех членов домохозяйств респондентов, имевших миграционный опыт. В отличие от работ, выполненных в 2010-е гг. (Браде и др., 2013), исследование показало отсутствие оснований предполагать, что в маятниковой трудовой миграции чаще участвуют межрегиональные мигранты или жители Московской области, а не переехавшие москвичи. Применительно к ситуации в Московской агломерации не подтвердился и тезис С.Хайрт (Hirt, 2007) о том, что в пригородах столичных городов ныне «встречаются» и сосуществуют два потока: «состоятельных новичков и бедных давних жителей». Новые жители Московской области — из Москвы или из регионов — в силу разных причин, благодаря которым они оказались в Подмосковье, в массе не отличаются лучшим материальным благополучием, чем переселяющиеся внутри Московской области или местные жители (например, по наличию автомашин, дачи или дома в деревне первенствуют последние). При этом выводы исследователей из восточноевропейских стран (Kontuly and Tammaru, 2006; Novotný and Pregi, 2017) о различиях в уровне образования между новичками и старожилами в пользу первых подтвердились. Действительно, по доле имеющих высшее образование мигранты опережают старожилов (например, среди 25–39-летних их 64 % против 53 % у старожилов).

Различия между группами мигрантов менее значительны, чем между мигрантами в целом и жителями Московской области, которые никогда не переезжали. Эти различия заметны как по структурным характеристикам, так и по нацеленности на рынок труда Москвы, оценкам удовлетворенности характеристиками своего местоположения, которые находят разный отклик у мигрантов и немобильных местных. Внутри мигрантов наибольшую особость демонстрирует группа приехавших в Московскую область извне. Мигранты из Москвы и переселявшиеся внутри Московской области в целом близки по своим характеристикам и мотивационной логике. При этом московские мигранты «нацелены» на Москву больше, чем все остальные группы. Среди них же более выражена прослойка тех, кто переселился в коттеджи и таунхаусы, однако ответы этой группы мигрантов, хотя и показывают значимость субурбанизационных ценностей, тоже указывают на их ориентацию на Москву. Кроме того, вероятно, около 30 % этой группы характеризуется «двудомностью».

Литература

- Браде, И., Махрова, А. Г., Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И. (2013). Особенности субурбанизации в Московской агломерации. *Известия РАН. Сер. геогр.*, 2, 19–29. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-2-19-29>
- Кириллов, П. Л., Махрова, А. Г. (2009). Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние. *Региональные исследования*, 4–5, 42–54.
- Куричев, Н. К., Куричева, Е. К. (2018). Миграционная и инвестиционная активность жителей городов России на рынке жилья Москвы и Подмосковья. *Регион: экономика и социология*, 3 (99), 171–197. <https://doi.org/10.15372/REG20180309>
- Куричев, Н. К., Куричева, Е. К. (2020). Пространственная структура жилищного строительства в Московской агломерации: радиально-секторальная дифференциация. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 65 (1), 74–95. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.105>
- Махрова, А. Г. (2014а) Особенности стадийного развития Московской агломерации. *Вестник Моск. ун-та. Серия 5: География*, 4, 10–16.

- Махрова, А. Г. (2014b) Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России. *Известия РАН. Сер. геогр.*, 4, 49–59. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2014-4-49-59>
- Махрова, А. Г., Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И. (2016). Поляризация пространства центрально-российского мегалополиса и мобильность населения. *Вестник Моск. ун-та. Серия 5: География*, 5, 77–85.
- Мкртчян, Н. В. (2015). Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности. *Региональные исследования*, 3, 107–116.
- Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф. (2020). Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5, 130–153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>
- Шитова, Ю. Ю., Шитов, Ю. А. (2013). Маятниковая трудовая миграция в Московском регионе. *Демоскоп Weekly*, 569–570. [online] Доступно на: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0569/tema01.php> [Дата доступа 15.12.2021].
- Aner, L. G. (2016). Dwelling habitus and urban out-migration in Denmark. *European Urban and Regional Studies*, 23 (4), 662–676. <https://doi.org/10.1177/0969776414532932>
- Artamonova, A. and Syse, A. (2021). Do older parents' assistance needs deter parent-child geographic divergence in Norway? *Health and Place*, 70, 102599 (in Press). <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2021.102599>
- Auriat, N. (1991). Who forgets? An analysis of memory effects in a retrospective survey on migration history. *European Journal of Population*, 7 (4), 311–342. <https://doi.org/10.1007/BF01796872>
- Baldersheim, H. (2014). Place qualities — Norwegian preferences. *Tidsskrift for Samfunnsforskning*, 55 (1), 53–75.
- Coulter, R. and Scott, J. (2015). What motivates residential mobility? Re-examining self-reported reasons for desiring and making residential moves. *Population, Space and Place*, 21 (4), 354–371. <https://doi.org/10.1002/psp.1863>
- Geyer, H. S. Jr. and Geyer, H. S. Sr. (2015). Disaggregated Population Migration Trends in South Africa Between 1996 and 2011: a Differential Urbanisation Approach. *Urban Forum*, 26 (1), 1–13. <https://doi.org/10.1007/s12132-014-9229-1>
- Hamm, R., Keggenhoff, G. K. and Jager, A. (2017). Live here? No, thank you! Migration and its causes in moenchengladbach — a city for living and working. *Regional Science Inquiry*, 9 (1), 145–151.
- Hirt, S. (2007). Suburbanizing Sofia: Characteristics of post-socialist peri-urban change. *Urban Geography*, 28 (8), 755–780. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.28.8.755>
- Jauhainen, J. S. (2009). Will the retiring baby boomers return to rural periphery? *Journal of Rural Studies*, 25 (1), 25–34. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2008.05.001>
- Karachurina, L. and Mkrтчян, N. (2020). Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia. *Comparative Population Studies*, 44, 414–447. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12>
- Kok, H. (1999). Migration from the city to the countryside in Hungary and Poland. *GeoJournal*, 49(1), 53–62. <https://doi.org/10.1023/A:1007092228633>
- Kontuly, T. and Tammaru, T. (2006). Population subgroups responsible for new urbanization and suburbanization in Estonia. *European Urban and Regional Studies*, 13 (4), 319–336. <https://doi.org/10.1177/0969776406065435>
- Korpi, M. and Clark, W. A. W. (2017). Human capital theory and internal migration: Do average outcomes distort our view of migrant motives? *Migration Letters*, 14 (2), 237–250. <https://doi.org/10.33182/ml.v14i2.329>
- Krisjane, Z. and Berzins, M. (2012). Post-socialist urban trends: New patterns and motivations for migration in the suburban areas of Riga, Latvia. *Urban Studies*, 49 (2), 289–306. <https://doi.org/10.1177/0042098011402232>
- Lee, E. S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, 3 (1), 47–57. <https://doi.org/10.2307/2060063>
- Mazanti, B. (2007). Choosing residence, community and neighbours — Theorizing families' motives for moving. *Geografiska Annaler, Series B: Human Geography*, 89 (1), 53–68. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2007.00239.x>
- Michielin, F., Mulder, C. H. and Zorlu, A. (2008). Distance to parents and geographical mobility. *Population, Space and Place*, 14 (4), 327–345. <https://doi.org/10.1002/psp.509>

- Mulder, C. H. (2007). The family context and residential choice: A challenge for new research. *Population, Space and Place*, 13 (4), 265–278. <https://doi.org/10.1002/psp.456>
- Murakami, K., Gilroy, R. and Atterton, J. (2009). Planning for the ageing countryside in Japan: The potential impact of multi-habitation. *Planning Practice and Research*, 24 (3), 285–299. <https://doi.org/10.1080/02697450903020734>
- Niedomysl, T. (2011). How migration motives change over migration distance: Evidence on variation across socio-economic and demographic groups. *Regional Studies*, 45(6), 843–855. <https://doi.org/10.1080/00343401003614266>
- Novotný, L. and Pregi, L. (2017). Selective migration of population subgroups by educational attainment in the urban region of Bratislava. *Geograficky Casopis*, 69 (1), 21–39.
- Nowok, B., Findlay, A. and McCollum, D. (2018). Linking residential relocation desires and behaviour with life domain satisfaction. *Urban Studies*, 55 (4), 870–890. <https://doi.org/10.1177/0042098016665972>
- Plane, D. and Jurjevich, J. R. (2009). Ties That No Longer Bind? The Patterns and Repercussions of Age-Articulated Migration. *The Professional Geographer*, 61 (1), 4–20. <https://doi.org/10.1080/00330120802577558>
- Rerat, P. (2012). The New Demographic Growth of Cities: The Case of Reurbanisation in Switzerland. *Urban Studies*, 49(5), 1107–1125. <https://doi.org/10.1177/0042098011408935>
- Rogerson, P. A., Weng, R. H. and Lin, G. (1993). The Spatial Separation of Parents and Their Adult Children. *Annals of the Association of American Geographers*, 83 (4), 656–671. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1993.tb01959.x>
- Stöhr, T. (2015). Siblings' interaction in migration decisions: who provides for the elderly left behind? *Journal of Population Economics*, 28 (3), 593–629. <https://doi.org/10.1007/s00148-015-0546-z>

Статья поступила в редакцию 10 января 2021 г.
Статья рекомендована к печати 18 апреля 2022 г.

Контактная информация:

Карачурина Лилия Борисовна — lkarachurina@hse.ru

Urbanization and suburbanization: Which one determines population migration in Moscow Oblast? *

L. B. Karachurina

HSE University,
20, Miasnitskaia ul., Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Karachurina, L. B. (2022). Urbanization and suburbanization: Which one determines population migration in Moscow Oblast? *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 67 (2), 360–381. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.208> (In Russian)

This paper examines population migration to the Moscow Oblast. Moscow Oblast belongs to a small number of Russia's regions characterized by intensive and diverse population migration. The region attracts migrants from other federal subjects of Russia as well as from abroad, there are also a distinct migration flow to Moscow Oblast originating in Moscow and migration within the borders of Moscow Oblast itself. The motives for migration are analyzed separately for studied migration flows along with the factors of the region's attractiveness for migrants, the differences between migrant flows (moving to Moscow Oblast, moving within Moscow Oblast and “non-mobile” population) are identified. The research was conducted with the help of a specially designed questionnaire via SurveyMonkey platform. The study showed that the “suburbanization” motives for migration related to ecological situation, privacy and monotonous urban environment are not dominant even amongst groups of migrants who have moved to villa communities and townhouses. The following factors indicating great impor-

* This work/article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics (HSE University)”.

tance for all groups of migrants were identified: the ratio between land price and distance from the center of Moscow, access to the advantages of Moscow city's labor market, service, and leisure industry. In this context, we can imply that importance of the "urban logic" remains high. Survey responses on the importance of location characteristics, as well as demographic parameters show that the most peculiar population group is "non-mobile" population of Moscow Oblast. Approximately 62% of respondents from households that include those who had migration experience are oriented to work or study in Moscow. The most "targeted" at the capital are migrants who had moved to Moscow Oblast from Moscow.

Keywords: motives of migration, reasons for migration, migrant, respondent, housing migration, Moscow Oblast, migration attractiveness.

References

- Aner, L. G. (2016). Dwelling habitus and urban out-migration in Denmark. *European Urban and Regional Studies*, 23 (4), 662–676. <https://doi.org/10.1177/0969776414532932>
- Artamonova, A. and Syse, A. (2021). Do older parents' assistance needs deter parent-child geographic divergence in Norway? *Health and Place*, 70, 102599 (in Press). <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2021.102599>
- Auriat, N. (1991). Who forgets? An analysis of memory effects in a retrospective survey on migration history. *European Journal of Population*, 7 (4), 311–342. <https://doi.org/10.1007/BF01796872>
- Baldersheim, H. (2014). Place qualities — Norwegian preferences. *Tidsskrift for Samfunnsforskning*, 55 (1), 53–75.
- Brade, I., Makhrova, A. G., Nefedova, T. G. and Treyvish, A. I. (2013). Specific Features of Suburbanization in Moscow Agglomeration in the Post-Soviet Era. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2, 19–29. (In Russian) <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-2-19-29>
- Coulter, R. and Scott, J. (2015). What motivates residential mobility? Re-examining self-reported reasons for desiring and making residential moves. *Population, Space and Place*, 21 (4), 354–371. <https://doi.org/10.1002/psp.1863>
- Geyer, H. S. Jr. and Geyer, H. S. Sr. (2015). Disaggregated Population Migration Trends in South Africa Between 1996 and 2011: a Differential Urbanisation Approach. *Urban Forum*, 26 (1), 1–13. <https://doi.org/10.1007/s12132-014-9229-1>
- Hamm, R., Keggenhoff, G. K. and Jager, A. (2017). Live here? No, thank you! Migration and its causes in moenchengladbach — a city for living and working. *Regional Science Inquiry*, 9 (1), 145–151
- Hirt, S. (2007). Suburbanizing Sofia: Characteristics of post-socialist peri-urban change. *Urban Geography*, 28 (8), 755–780. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.28.8.755>
- Jauhiainen, J. S. (2009). Will the retiring baby boomers return to rural periphery? *Journal of Rural Studies*, 25 (1), 25–34. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2008.05.001>
- Karachurina, L. and Mkrtychyan, N. (2020). Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia. *Comparative Population Studies*, 44, 414–447. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12>
- Kirillov, P. L. and Makhrova, A. G. (2009). Suburbanizatsiya in the Moscowmetropolitan region: current and future state. *Regional'nye issledovaniia*, 4–5, 42–54. (In Russian)
- Kok, H. (1999). Migration from the city to the countryside in Hungary and Poland. *GeoJournal*, 49 (1), 53–62. <https://doi.org/10.1023/A:1007092228633>
- Kontuly, T. and Tammaru, T. (2006). Population subgroups responsible for new urbanization and suburbanization in Estonia. *European Urban and Regional Studies*, 13 (4), 319–336. <https://doi.org/10.1177/0969776406065435>
- Korpi, M. and Clark, W. A. W. (2017). Human capital theory and internal migration: Do average outcomes distort our view of migrant motives? *Migration Letters*, 14 (2), 237–250. <https://doi.org/10.33182/ml.v14i2.329>
- Krisjane, Z. and Berzins, M. (2012). Post-socialist urban trends: New patterns and motivations for migration in the suburban areas of Riga, Latvia. *Urban Studies*, 49 (2), 289–306. <https://doi.org/10.1177/0042098011402232>

- Kurichev, N.K. and Kuricheva, E.K. (2018). Migratory and investment activity of Russian citizens in the real estate market of Moscow and Moscow oblast. *Region: Economics & Sociology*, 3 (99), 171–197. (In Russian) <https://doi.org/10.15372/REG20180309>
- Kurichev, N.K. and Kuricheva, E.K. (2020). The spatial pattern of housing construction in the Moscow metropolitan area: Radial and sectoral differentiation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 65 (1), 74–95. (In Russian) <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.105>
- Lee, E.S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, 3 (1), 47–57. <https://doi.org/10.2307/2060063>
- Makhrova, A.G. (2014a). Specific features of stadial development of the Moscow agglomeration. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, 4, 10–16. (In Russian)
- Makhrova, A.G. (2014b). The Role of Organized Cottage Settlements in Suburbanization in Post-Soviet Russia. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 4, 49–59. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2014-4-49-59> (In Russian)
- Makhrova, A.G., Nefedova, T.G. and Treivish, A.I. (2016). The central Russian megalopolis: polarization of space and population mobility. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, 5, 77–85. (In Russian)
- Mazanti, B. (2007). Choosing residence, community and neighbours — Theorizing families' motives for moving. *Geografiska Annaler, Series B: Human Geography*, 89 (1), 53–68. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2007.00239.x>
- Michielin, F., Mulder, C.H. and Zorlu, A. (2008). Distance to parents and geographical mobility. *Population, Space and Place*, 14 (4), 327–345. <https://doi.org/10.1002/psp.509>
- Mkrtychyan, N.V. (2015). Migration in Moscow and Moscow region: regional and structural peculiarities. *Regional'nye issledovaniia*, 3, 107–116. (In Russian)
- Mkrtychyan, N.V. and Florinskaya, Y.F. (2020). Why Some People Leave Certain Regions in Favor of Others: Motives Behind Interregional Migration in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, 130–153. (In Russian) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>
- Mulder, C.H. (2007). The family context and residential choice: A challenge for new research. *Population, Space and Place*, 13 (4), 265–278. <https://doi.org/10.1002/psp.456>
- Murakami, K., Gilroy, R. and Atterton, J. (2009). Planning for the ageing countryside in Japan: The potential impact of multi-habitation. *Planning Practice and Research*, 24 (3), 285–299. <https://doi.org/10.1080/02697450903020734>
- Niedomysl, T. (2011). How migration motives change over migration distance: Evidence on variation across socio-economic and demographic groups. *Regional Studies*, 45 (6), 843–855. <https://doi.org/10.1080/00343401003614266>
- Novotný, L. and Pregi, L. (2017). Selective migration of population subgroups by educational attainment in the urban region of Bratislava. *Geograficky Casopis*, 69 (1), 21–39.
- Nowok, B., Findlay, A. and McCollum, D. (2018). Linking residential relocation desires and behaviour with life domain satisfaction. *Urban Studies*, 55 (4), 870–890. <https://doi.org/10.1177/0042098016665972>
- Plane, D. and Jurjevich, J.R. (2009). Ties That No Longer Bind? The Patterns and Repercussions of Age-Related Migration. *The Professional Geographer*, 61 (1), 4–20 <https://doi.org/10.1080/00330120802577558>
- Rerat, P. (2012). The New Demographic Growth of Cities: The Case of Reurbanisation in Switzerland. *Urban Studies*, 49 (5), 1107–1125. <https://doi.org/10.1177/0042098011408935>
- Rogerson, P.A., Weng, R.H. and Lin, G. (1993). The Spatial Separation of Parents and Their Adult Children. *Annals of the Association of American Geographers*, 83 (4), 656–671. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1993.tb01959.x>
- Shitova, Iu. Iu. and Shitov, Iu. A. (2013). Pendulum labor migration in the Moscow region. *Demoskop Weekly*, 569–570. [online] Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0569/tema01.php> [Accessed 15 Dec. 2021]. (In Russian)
- Stöhr, T. (2015). Siblings' interaction in migration decisions: who provides for the elderly left behind? *Journal of Population Economics*, 28 (3), 593–629. <https://doi.org/10.1007/s00148-015-0546-z>

Received: January 10, 2022

Accepted: April 18, 2022

Contact information:

Liliya B. Karachurina — karachurina@hse.ru